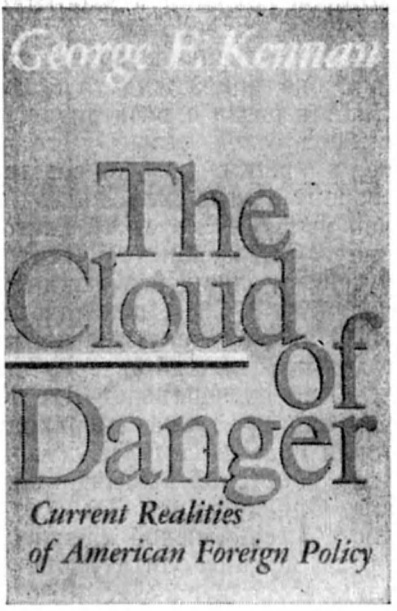
Джордж КЕННАН

ТУЧА, НЕСУЩАЯ ОПАСНОСТЬ

Текущие реальности американской внешней политики

(разделы из книги)



С этого номера журнала мы начинаем публикацию некоторых разделов книги Дж. Кеннана «Туча, несущая опасность» в переводе М. Б. Эндера. Вступительная статья В. В. Журкина дает представление об авторе и о содержании книги в целом.

О КНИГЕ ДЖОРДЖА КЕННАНА

Видимо, нет нужды подробно представлять читателю нашего журнала Джорджа Кеннана — видного американского дипломата и теоретика внешнеполитической мысли США, крупного ученого-историка и общественного деятеля. На протяжении ряда десятилетий его имя часто упоминалось — то в связи с высокими дипломатическими постами, которые он занимал после второй мировой войны (в их числе должности посла в СССР и Югославии, руководителя группы внешнеполитического планирования в госдепартаменте), то как автора более дюжины книг, профессора крупнейших университетов Соединенных Штатов — Принстонского, Чикагского, Института перспективных исследований в Принстоне (где в свое время долго работал А. Эйнштейн). В настоящее время Кеннан руководит созданным по его инициативе Институтом русских исследований в Вашингтоне, носящим имя другого Джорджа Кеннана — дяди ученого, известного американского дипломата прошлого века, работавшего, в частности, в России.

Институт Кеннана постепенно становится значительным исследовательским центром США. А его руководитель успешно совмещает

© Джордж Ф. Кеннан. 1977.

G. F. Kennan. The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. Little, Brown and Company, Boston — Toronto, 1977.

фундаментальную научную работу с широкой общественной деятельностью, активно участвуя в мероприятиях, посвященных международным, в том числе и советско-американским, отношениям. Сочетание способности к глубоким обобщениям с многолетним практическим опытом, его связи с общественной жизнью страны — такова база, на которой рождаются работы Дж. Кеннана, в том числе и книга «Туча, несущая опасность».

Характерна история появления этой книги. Как видно из введения, она порождена глубокой тревогой за судьбы внешней политики США в связи с развернувшейся там острой борьбой вокруг разрядки, выбора путей дальнейшего поведения страны на международной арене, и прежде всего в советско-американских отношениях. Отложив в сторону другие дела, как он сам пишет, «на одном дыхании» Дж. Кеннан выступил со своей книгой, сразу же привлекшей широкое внимание в Соединенных Штатах и во всем мире, вызвавшей бурную дискуссию и явившейся важным вкладом видного исследователя в происходящую в США политическую борьбу.

Ниже публикуются некоторые разделы книги, представляющие сегодня наибольший интерес для нашего читателя.

Как подчеркивает Дж. Кеннан, «Советская Россия — это центральная проблема американской внешней политики», «проблема, которая превосходит все остальные по важности и сложности, и от подхода к которой зависят многие другие аспекты американской политики». Однако книга Дж. Кеннана, нося подзаголовок «Текущие реальности американской внешней политики», охватывает и другие важные сферы внешнеполитической деятельности США, по существу все ее главные политические и военные аспекты.

Справедливости ради надо сказать, что в отношении Дж. Кеннана к Советскому Союзу были разные периоды. В годы «холодной войны» Дж. Кеннан был одним из тех, кто стоял у ее истоков. Именно он и есть «мистер X» — автор нашумевшей статьи, опубликованной в 1947 г. в июльском номере журнала «Форин афферс», в которой были изложены основы политики «сдерживания» Советского Союза. Дж. Кеннаном было сказано и написано немало работ, обосновывавших враждебный курс политики США в отношении Советского Союза, социалистических стран, за что он неоднократно подвергался критике со стороны советских публицистов и ученых. Но Дж. Кеннан принадлежит к числу тех американских общественных деятелей и ученых, которые не закоснели на позициях «холодной войны», внимательно следят за ходом исторических событий, стремятся сделать из них объективные выводы.

Тем более убедительно звучат сегодня основные мысли последних статей Дж. Кеннана и книги «Туча, несущая опасность», родившиеся в результате трезвого анализа реальностей нашей эпохи, его настойчивый призыв к расширению и углублению разрядки в советско-американских отношениях, построенной на принципах равноправия, строгого соблюдения интересов обеих сторон. Именно этот подход вызвал в США бурю нападок на Дж. Кеннана со стороны милитаристских кругов.

А между тем Дж. Кеннан ни в чем не отступил от главного, чему он посвятил всю свою жизнь,— защиты национальных интересов США, борьбы за реализацию этих интересов на международной арене, в том числе и в советско-американских отношениях. Развитие международной обстановки за три послевоенных десятилетия убедило Дж. Кеннана, как и многих других видных деятелей США, что обеспечение подлинных интересов Соединенных Штатов — не в нагнетании международной напряженности, а в поисках путей к оздоровлению обстановки на нашей планете. В ряде интервью, данных в последние годы, Дж.

Кеннан признал нерациональность, несостоятельность и опасность политики «холодной войны».

Основная мысль книги «Туча, несущая опасность» — призыв привести внешнюю политику США в соответствие как с внутренними, так и с внешними реальностями современной эпохи и искать реализации национальных интересов на магистральном направлении разрядки.

Анализируя внутриполитические реальности, оказывающие влияние на формирование внешнеполитического курса Соединенных Штатов, Дж. Кеннан выносит суровый приговор опасной и разорительной активности военно-промышленного комплекса, оказывающего милитаризирующее воздействие на всю жизнь страны. Автор ставит под сомнение целесообразность излишней вовлеченности конгресса в повседневную практику внешней политики, анализирует дестабилизирующее влияние на экономику и политику страны растущей зависимости США от зарубежной нефти.

Дж. Кеннан призывает повернуть внимание страны к подлинным приоритетам — острой необходимости искать пути решения таких внутренних проблем, как «дезинтеграция некоторых из наших великих городов, и прежде всего величайшего из них — Нью-Йорка», рост преступности, инфляции, безработица, «хаотичная и позорно недостаточная система общественного пассажирского транспорта», падающие стандарты в сфере образования, коррупция в системе массовых коммуникаций, «постыдный феномен безудержного распространения порнографии», «серьезная несостоятельность американской печати и радиоэлектронных средств массовой информации в плане осведомления и наставления американского общества в вопросах внешней политики», наконец, продолжающееся разрушение окружающей природной среды.

Нельзя сказать, чтобы эти оценки были однозначными. Дж. Кеннан, как известно читателям его работ, занимает весьма консервативную позицию по ряду внутренних проблем современного американского общества. И это тоже отразилось в книге «Туча, несущая опасность». Так, он активно выступает против забастовочной борьбы трудящихся, критически относится к профсоюзному движению, скептически подходит к усилиям в сфере социального обеспечения и т. д. Однако перечисленный до этого список острых социальных проблем США достаточно образно характеризует наиболее крупные реальные кризисные явления сегодняшнего американского общества. Отвлечение гигантских средств на военные расходы, тесно связанные с экспансионистской политикой, обостряет и углубляет эти социальные бедствия. Внутренние проблемы США, напоминает Дж. Кеннан, требуют проведения более осмотрительной и реалистической внешней политики.

Осмотрительный курс, предлагаемый Дж. Кеннаном, не всегда последователен, а порой и непосредственно укладывается в рамки традиционных направлений внешней политики США, породивших те самые трудности, которые он критикует. Это особенно проявляется в характеристике предлагаемых Кеннаном подходов к отношениям с союзниками США. Кеннан — сторонник «селективной» линии, он выступает за концентрацию усилий на укреплении отношений с главными союзниками — странами Западной Европы и Японией, а также — с определенными ограничениями — с Израилем. Он предлагает свести «внешние обязательства» Соединенных Штатов к «необходимому минимуму». «Я вижу этот минимум,— пишет Дж. Кеннан,— в сохранении политической независимости и военной безопасности Западной Европы, Японии и — с той единственной оговоркой, что это не должно повлечь за собой посылку и вовлеченность американских вооруженных сил — также Израиля».

Как следует хотя бы из этих строк, Дж. Кеннан стоит на позициях последовательной защиты интересов правящего класса США.

Это явно сказывается и на отношении Дж. Кеннана к некоторым другим явлениям современной международной жизни. Так, он сетует на «преждевременность» предоставления независимости Анголе и Мозамбику, выступает против сторонников независимости Намибии, против тех, кто призывает оказать давление на ЮАР, сокращая экономические отношения с ней. В зоне НАТО Кеннан предлагает осуществить увеличение американских вооруженных сил.

Таким образом, призывы Дж. Кеннана к реализму, с нашей точки зрения, грешат противоречиями.

Традиционная для ученых и политиков Запада позиция проглядывается во многих сторонах работ Дж. Кеннана, что отчетливо ощущается и в публикуемых ниже главах. Западный мир для него, конечно же, мир «демократии», современный Китай — «коммунистическая держава», и это несмотря на грубое извращение пекинскими лидерами основ социализма и их агрессивную внешнюю политику. Экономические трудности, которые переживает капиталистический мир (в энергетике и иных областях), Дж. Кеннан склонен рассматривать как проблемы, присущие всему мировому хозяйству.

Вместе с тем автор «Тучи, несущей опасность» решительно выступает как дальновидный и реалистически мыслящий деятель в оценке широкого спектра международных проблем и путей их решения. Он весьма критически относится к мифу о «советской угрозе», на котором базируется западная система обоснования военных приготовлений против СССР, отмечая, что «ни один ее компонент не является правильным». Говоря о Ближнем Востоке, он настойчиво подчеркивает, что необходимое условие урегулирования в этом взрывоопасном районе мира — «советско-американское взаимопонимание по широкому кругу ближневосточных проблем». Дж. Кеннан предлагает «целиком и полностью передать Панамский канал панамцам», «выйти из состояния военной вовлеченности» в Корее, ликвидировать американские военные базы на Филиппинах.

Большое внимание уделяет Дж. Кеннан попыткам реидеологизации внешней политики США, проводимой под всякого рода моралистическими лозунгами. Он с иронией отмечает в связи с этим, что «трудно считать перспективной американскую политику, которая выступает с претензией на то, что она исправит и улучшит политические устои больших групп населения мира». Кеннан подчеркивает, что США не имеют права «позволить себе распылить наше внимание, нашу энергию и наши ресурсы на те мечты об усовершенствовании мира, ту погоню за глобальной вовлеченностью и властью и те моралистские позы, которые так присущи американскому политическому темпераменту и риторике нашей государственной жизни». Кеннан, как и многие другие видные политические и общественные деятели США, добивается перевода внешней политики страны на рельсы реализма, поиска взаимоприемлемых решений в отношениях с другими государствами.

Наконец, нельзя не отметить и еще одно исключительно важное проявление политической проницательности Дж. Кеннана: его настойчивое требование к американским политикам не поддаваться опасным позывам к заигрыванию с Пекином на антисоветской основе. Подобные позывы Кеннан характеризует как «аберрацию американского мышления» о будущем отношений США с Китаем. «Мне трудно выразить словами, — пишет Кеннан, — как сильно я осуждаю любое такое предложение». Стремление уберечь свою страну от опасного политического авантюризма, к которому склоняются кое-какие деятели в Вашингтоне, игнорирующие острейшую опасность своих опрометчивых политических маневров вокруг «китайской карты», наглядно характеризуют Дж. Кеннана как политика большого масштаба.

Эти отличительные черты Дж. Кеннана нашли свое наиболее яркое воплощение в его анализе характера, динамики, движущих сил, перспектив советско-американских отношений. Следует еще раз оговориться: Кеннан — политик и теоретик Запада. Он никогда не принимал и не приемлет советского строя, социализма, был и остается убежденным сторонником буржуазной идеологии, одним словом, в идеологической борьбе он — по ту сторону баррикады. Невозможно не отвергнуть самым решительным образом некоторые его оценки нашего строя, нашей жизни. И если Дж. Кеннан выступает за широкое развитие процесса нормализации советско-американских отношений на конструктивной основе, то, естественно, только потому, что именно такой путь, по его мнению, соответствует правильно понятым интересам Соединенных Штатов.

Поэтому Дж. Кеннан последовательно выступает за ускоренное продвижение по пути ограничения, а затем и сокращения стратегических вооружений, скорейшее заключение договора о полном запрещении всех ядерных испытаний. Он предлагает, чтобы страны НАТО внимательно рассмотрели предложение государств — членов Варшавского Договора о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия всеми государствами, подписавшими Заключительный акт общеевропейского совещания в Хельсинки. Большое внимание уделяет Дж. Кеннан проблеме ограничения и сокращения обычных вооружений и вооруженных сил, призывая прежде всего «приложить максимум усилий» к успешному завершению венских переговоров и осуществлению сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Дж. Кеннан выступает в поддержку широкой программы мер, направленных на ограничение гонки вооружений и уменьшение угрозы войны.

Весьма острой критике подвергает Дж. Кеннан бытующий в США подход к торговым отношениям с СССР, базирующийся на системе дискриминационных мер. Попытки добиваться от Советского Союза политических уступок при помощи таких мер, пишет Дж. Кеннан, «ошибочны и уж во всяком случае неосуществимы». Высмеивая такую политику, Дж. Кеннан отмечает, что сторонники подобных взглядов исходят из того, «что для нас согласие на торговлю с другой страной — это нечто вроде проявления благосклонности с нашей стороны, за которую другая сторона должна заплатить в дополнение к обычной коммерческой цене еще и политическую премию». Расчеты такого рода Дж. Кеннан резонно называет наивными и напоминает, что советско-американская торговля экономически весьма выгодна для самих Соединенных Штатов.

Затрагивая проблемы научно-технических и культурных связей между СССР и США, Дж. Кеннан подчеркивает, что «советские власти, как представляется, пытались добросовестно осуществлять свою часть заключенных в этих областях соглашений». Отмечая, что число экспертов, участвующих в обменах, выросло минимум на 300% после заключения серии советско-американских соглашений о научно-техническом сотрудничестве, Дж. Кеннан указывает, что в итоге «знаменательные результаты могут быть получены обеими сторонами». Что касается бытующего в некоторых американских кругах взгляда, будто США ничего не могут извлечь для себя из научно-технических и культурных контактов с Советским Союзом, то его Дж. Кеннан именует «ограниченным и провинциальным». Сближение между советским и американским народами в этих сферах, по мнению Дж. Кеннана, будет, несомненно, взаимовыгодным.

Основной вывод, к которому ведет читателя книга Дж. Кеннана, состоит в том, что разрядка — это не подарок Соединенных Штатов Советскому Союзу (как, впрочем, и не подарок Советского Союза

Соединенным Штатам), а исторически неизбежный, единственно разумный путь к сохранению человечества, путь, в котором в абсолютно равной мере заинтересованы народы США и СССР, всех других стран мира.

В США идет острая дискуссия вокруг дальнейших судеб разрядки. В этой дискуссии четко слышен трезвый голос Дж. Кеннана — дипломата, ученого, политика, отстаивающего путь, соответствующий национальным интересам США.

В. В. ЖУРКИН

Соединенные Штаты как участник международной жизни

Любой анализ роли, которую той или иной стране желательно играть в международных делах, и тех целей, которых она может с пользой для дела добиваться, должен начинаться с обсуждения характера этой страны — ее потребностей в связи с международной средой и влияния внутренней конституции и обычаев на возможности ее деятельности за рубежом. Исходя из этого, прежде чем я подойду к проблемам международной роли и обязательств нашей страны, я хотел бы напомнить читателям о некоторых внутренних условиях существования американского общества, которые ограничивают или в серьезной степени осложняют свободу наших действий или нашу способность эффективно действовать в той внешней среде, которая нас окружает.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И ИХ НАВЫКИ

В этой книге нет смысла подробно анализировать врожденные недостатки такой системы управления страной, какая существует у нас, с точки зрения проведения внешней политики. По прошествии почти полутора столетий можно разве что очень немного добавить к тому, что сказал на этот счет Токвиль в 1831 г.: резкое разделение прерогатив, которое в представлении отцов-основателей как раз и должно было быть основой американской системы управления, уже само по себе в значительной степени исключает секретность, гибкость, а также быстроту принятия и актуальность решений и мер, свойственные поведению великих имперских держав прошлого и необходимые, по всеобщему убеждению, для проведения действенной мировой политики правителями великого государства.

Если за полтора столетия, прошедшие с тех пор, как Токвиль написал эти слова, здесь и произошли какие-нибудь перемены, они были только к худшему; ведь американские органы власти его дней имели по меньшей мере одно преимущество: это был небольшой аппарат в небольшом обществе. Совокупность его действий в то время не трудно было проконтролировать. Немногочисленность персон, подвизавшихся в те дни в качестве действующих лиц на правительственной арене, будь то в исполнительных, законодательных или судебных органах, во всяком случае сильно упрощала общение между ними и делала его более тесным, хотя и не всегда облегчала достижение согласия. Сегодня органы власти Соединенных Штатов представляют собой гораздо более сложную и разобщенную систему. Их многочисленные связи и виды деятельности не может охватить один ум, не говоря уже о возможности их контролировать из какого-то единого центра. Если поэтому страна даже в дни Токвиля была плохо подготовлена к хорошо координируемому и целе-

направленному участию в сложных перипетиях мировой политической жизни, сегодня она к ним приспособлена еще меньше.

Очень сомнительно, чтобы эту ситуацию когда-нибудь в достаточной мере учитывали восторженные поклонники идеи американского мирового руководства или имперского могущества. Свидетельства серьезных неудач или ошибок американских государственных деятелей, судя по всему, никогда не ассоциировались в умах этих людей с тем, как наша страна была с самого начала сконструирована для проведения своей внешней политики. За то, что мы без надлежащей военной подготовки оказались втянутыми в две мировые войны и закончили их без необходимой политической подготовки, иногда и упрекают государственных деятелей соответствующих периодов, но при этом почти никогда не критикуют саму природу нашей политической системы. Да нам, видимо, и не приходит в голову задаваться вопросом, не кроется ли за серьезными просчетами, которые толкнули нас на безрассудное вмешательство во Вьетнаме, нечто большее, чем близорукость нескольких государственных деятелей, не отражает ли это определенную непригодность всей нашей системы для осознания и проведения в жизнь честолюбивых политико-военных предприятий вдали от родных берегов.

Но как бы там ни было, одно из главных последствий вьетнамской войны и уотергейтского скандала заключалось в том, что, к лучшему или к худшему, они привели к дальнейшему ослаблению наших возможностей в этом отношении. Ибо среди таких последствий мы должны отметить серьезное сужение тех ограниченных возможностей хранить хоть что-то в тайне, которые до этого существовали в нашем внешнеполитическом ведомстве. Отчасти это стало следствием широкого обнародования сравнительно свежих архивных материалов для изучения прессой и общественностью. Но это происходит и в результате повышения той роли, которая по общему согласию ныне отводится конгрессу в разработке политики. Президент Картер неоднократно заявлял о своем намерении широко консультироваться с конгрессом и действовать в партнерстве с ним в решении внешнеполитических проблем. И это в полной мере соответствует духу публично выражаемых настроений, что отразило убеждение, будто одна из главных причин невзгод недавнего прошлого кроется в высокой степени засекречивания в исполнительных органах власти, позволявшего скрывать различные политические нюансы и решения.

Таким образом, с конгрессом будут более широко консультироваться и более подробно его информировать. Я отнюдь не пытаюсь осуждать подобное положение вещей. Очень может быть, что все это только к лучшему. Но если уж заводить речь о консультациях с конгрессом в важнейших вопросах внешней политики, нужно говорить и об отказе от преимуществ, вытекающих из секретности принятия решений, каковы бы они ни были. Тут нет ничьей вины; это просто неизбежно, хотя бы в силу многочисленности причастных к этому людей.

Потеря приватности отнюдь не единственный фактор, который будет влиять на процесс разработки и проведения в жизнь политики в результате допускаемого сейчас повышения роли конгресса. Конгресс не в состоянии в большей мере, чем любой другой большой законодательный орган, влиять на ведение внешнеполитических дел, отдавая повседневные негласные указания; он может оказывать свое влияние, лишь предписывая жесткие нормы в форме либо законов, либо договоров, либо финансовых ограничений, которые должны направлять деятельность исполнительных органов власти на протяжении длительного времени. Иными словами, конгресс может влиять на внешнюю политику лишь время от времени, предусматривая радикальные, крутые повороты, которые задают ей общее направление, и устанавливая пределы, в которых этот внешнеполитический курс может варьироваться,

подчас в расчете на весьма длительные отрезки времени в будущем. Вполне возможно, что это может иметь определенную негативную ценность, как гарантию от ошибок исполнительных органов власти, но это, разумеется, сильно ограничивает гибкость соответствующих действий правительства, если вообще ее не уничтожает. В результате исполнительные органы практически не в состоянии чутко и действенно реагировать на изменения в объективной обстановке, которые не были предусмотрены заранее или которые вообще невозможно было предвидеть в момент, когда конгресс вырабатывал соответствующее предписание (а в международных делах таких неожиданностей постоянно бывает множество).

Короче говоря, участие конгресса в процессе принятия политических решений не только в значительной мере лишает этот процесс приватности, но и делает его очень громоздким и негибким. И эти условия в своей совокупности лишают творцов политики возможности проявлять инициативу, использовать эффект неожиданности и чутко реагировать на внезапное изменение обстоятельств.

И это далеко не все. Конгрессу — вне всяких сомнений и неизбежно — гораздо труднее, чем исполнительным органам власти и, в частности, государственному департаменту, противостоять нажиму национальных меньшинств[1] и других организованных лобби или групп, стремящихся повлиять на внешнюю политику в своих собственных узких целях и интересах. Примеры этого настолько многочисленны, что было бы совершенно излишне, даже несерьезно приводить хотя бы один из них. Любой человек, размышляющий над историей хотя бы послевоенных десятилетий, без труда вспомнит ряд известных случаев, когда национальные меньшинства прибегали к нажиму, чтобы повлиять на внешнюю политику и этим послужить предполагаемым интересам своей бывшей родины, которые, разумеется, могут совпадать, а могут и не совпадать с интересами Соединенных Штатов. Лобби промышленных кругов и профсоюзов делают то же самое, и опять-таки во многих случаях в корыстных интересах меньшинства американских граждан, и эти интересы опять-таки могут совпадать, а могут и не совпадать с интересами всей страны.

Самая примечательная особенность этих попыток нажима не столько в самом их факте, ибо они в порядке вещей, сколько в их действенности. На ум приходит один случай за другим, когда такие попытки оказывали более сильно действующее и эффективное влияние на решения конгресса в области внешней политики, чем мнение в высшей степени компетентных лиц в исполнительных органах власти, которые в отличие от лоббистов руководствовались исключительно национальными интересами страны.

Когда происходят подобные вещи, это просто означает, что правом нашего правительства воздействовать на внешнеполитическую среду злоупотребляют, а его курс стремятся исказить во внутриполитических целях, в результате чего наши действия на международной арене, как выражение нашей национальной политики, становятся непоследовательными и либо неэффективными, либо заранее обреченными на неудачу. И это не только сужает сферу, в которой возможно проведение действенного внешнеполитического курса, но и открыто побуждает зарубежных государственных деятелей и их представителей добиваться от Соединенных Штатов уступок, не предлагая какого-то разумного подхода через признанные каналы президенту или государственному секретарю, а пытаясь пробраться с черного хода и заручиться поддержкой каких-то определенных американских лобби или лиц в конгрессе, цели которых по стечению обстоятельств совпадают с их собственными. Примеры подобного ро-

[1] Имеются в виду организации национальных меньшинств, в том числе различные иммигрантские организации. — *Прим. ред.*

да тоже очень многочисленны, включая не только деятельность так называемого китайского лобби в конце 40-х и начале 50-х годов, но и совсем недавнюю деятельность южнокорейских агентов в нашей стране.

Читатель может несколько удивиться, если ему теперь сказать, что автор предлагает свои мысли относительно влияния конгресса на внешнюю политику не для того, чтобы выступить против усиления роли конгресса, к чему сейчас, по-видимому, идет дело. Я вполне могу себе представить, что существующий порядок управления нашим государством можно считать в значительной мере единственным, позволяющим управлять страной столь обширной и протяженной, если придерживаться демократических принципов. Едва ли кого-нибудь удивит, если автор напомнит, что за эти принципы приходится расплачиваться. И это, видимо, как раз один из тех случаев. Раз так, пусть так и будет. Если уж делать выбор между принесением в жертву благ демократии, с одной стороны, и высокой степенью эффективности проведения внешнеполитического курса — с другой, я не задумывался бы, что предпочесть[2].

Но общества, как и люди, хотят реалистически учитывать слабости, которые они не могут устранить, и помехи, которые они не в состоянии преодолеть. Я призываю только к одному. Если уж дело действительно обстоит так, как я только что описал, и роль конгресса в процессе ведения внешнеполитических дел действительно должна быть повышена со всеми вытекающими последствиями — потерей приватности и гибкости и ростом влияния лобби и других организованных меньшинств на разработку политики,— последствия такого положения вещей для успешной деятельности Америки в качестве участника мировой политической жизни нужно признать и извлечь из этого соответствующие уроки.

[2] Характерно, что, пользуясь здесь и далее терминологией, принятой в США, Дж. Кеннан, касаясь механики действия «демократических принципов», делает упор не столько на общественное мнение, сколько на возможности воздействовать на политику страны, которые эти принципы открывают для хорошо организованных групп давления, представляющих интересы меньшинства. — *Прим. ред.*

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Второе явление американской жизни, которое нужно иметь в виду, когда размышляешь о положении нашей страны с точки зрения ведения внешнеполитических дел,— это военно-промышленный комплекс. Под ним я, разумеется, имею в виду вес военных закупок в нашей экономике, роль Пентагона как фактора в нашей промышленной жизни и влияние всего этого на наше общество.

Общие контуры этого явления хорошо известны. Размеры оборонных расходов сейчас перешагнули отметку в 100 млрд. долл., и закупки военного снаряжения значительно превышают 30 млрд. долл. в год; сюда нужно добавить примерно 10 млрд. долл., на которые мы продаем оружие и оказываем военную помощь другим странам. Это, несомненно, превращает Пентагон в крупнейшего покупателя в Соединенных Штатах, поглощающего около 6% всего национального производства товаров и услуг.

Отсюда — последствия, о которых целесообразно напомнить.

Прежде всего это ведет к инфляционным последствиям. По поводу того, имеют ли закупки услуг и материалов, предназначаемых для использования в военных целях, инфляционные последствия сами по себе, между экономистами, насколько я в состоянии судить, могут существовать и действительно существуют разногласия. (Тем самым, несомненно, вводятся в оборот огромные суммы денег в обмен на товары и услуги, которые в значительной мере потеряны для нормальной продуктивной экономики страны.) Но не может быть, мне кажется, никаких разногласий по поводу того, что

это явление порождает очень сильные инфляционные побочные эффекты. Все те, кому доводилось собственными глазами наблюдать за жизнью вооруженных сил, не могли не заметить, с какой щедростью в них расходуются деньги в сравнении с теми видами деятельности, где приходится участвовать в обычной конкуренции, свойственной обыденной жизни. И просто трудно поверить, что люди, контролирующие в Пентагоне военные закупки, вообще способны оказывать такое же сдерживающее влияние на цены приобретаемых ими вещей, как это делают частные компании, которым приходится заботиться о рентабельности своей деятельности. Правда, есть причины, включая срочность поставок и отсутствие конкуренции среди поставщиков многих видов закупаемых изделий, объясняющие, почему очень трудно вести себя так даже при лучшем желании и самых честных намерениях. Написав эти строки, я хочу привести следующую выдержку из статьи Сеймура Мелмана, профессора промышленного машиностроения Колумбийского университета, которая была опубликована 14 декабря 1976 г. в «Нью-Йорк таймс»:

«В отличие от гражданских фирм, которые традиционно стремятся свести к минимуму производственные издержки ради извлечения максимальной прибыли, фирмы на экономической орбите Пентагона стараются как можно больше завысить все издержки, а тем самым и субсидии, которые будут им выплачены, чтобы компенсировать затраты. Такой подход ведет к постоянному повышению цен.

Военная экономика Соединенных Штатов — двигатель инфляции. Сверху донизу повышение издержек и цен ею поощряется и вознаграждается; эта практика переносится в гражданские отделения фирм, обслуживающих Пентагон, и на другие предприятия и заражает их. Классический метод возмещения потерь от роста издержек путем механизации и другими способами повышения эффективности производства при этом теряет свой смысл. Рост издержек просто перекладывается на покупателя в форме повышения цен».

Независимо от тех масштабов, в которых Пентагон может способствовать раздуванию инфляции, он сам оказался одной из ее крупнейших жертв. Свидетельства этого поразительны и не могут не вызывать тревогу. Подсчитано, что расходы на замену важнейших видов снаряжения в вооруженных силах, особенно самолетов и военных кораблей, сейчас в 3—5 раз выше стоимости тех видов техники, которые новое снаряжение должно заменить, хотя многие из этих средств пробыли на вооружении всего несколько лет. Сокращение различных видов вооруженных сил, которое, как полагали, должно было произойти и в ограниченной степени действительно произошло после окончания вьетнамской войны, не сопровождалось сколько-нибудь соразмерным сокращением военных расходов; как раз напротив, содержание вооруженных сил после их сокращения сейчас в ряде случаев обходится дороже, чем содержание более многочисленных сил в довьетнамский и вьетнамский периоды.

Все это в общем и целом свидетельствует об инфляционных последствиях крупных военных расходов; но это свидетельствует и о вторичном факте большого значения, который часто упускают из виду при обсуждении проблем соперничества с Советским Союзом в военной области: мы допускаем такой быстрый рост цен, что все больше теряем возможность продолжать это соперничество. Даже если бы соответствовали действительности утверждения о том, что мы быстро отстаем и попадаем в невыгодное положение в результате высоких темпов наращивания русских вооруженных сил (на этом я еще особо остановлюсь), мы должны были бы признать, что причина этого, если тщательно разобраться, кроется не столько в темпах и размахе советских усилий, сколько в безудержном росте дороговизны наших собственных. Учитывая темпы, которыми сейчас позволяют увеличиваться расходам на национальную оборону в нашей стране, мы можем рассчитывать удержать свои позиции в

этом соревновании лишь колоссальной, все более возрастающей и в конечном счете почти недопустимо огромной ценой для нашей экономики. И тем не менее это почти не признается при обсуждении проектов оборонного бюджета и общественностью, и конгрессом. Если сторонники крупных военных расходов действительно хотят найти кратчайший путь к преодолению все большего, как они считают, изменения соотношения могущества советских и американских сил не в нашу пользу, им следует уделять побольше внимания нашей собственной инфляции и особенно воздействию этой инфляции на военный бюджет и меньше попыткам убедить всех нас в существовании угрожающих намерений и страшном могуществе наших советских оппонентов.

Но есть и еще одно последствие существования военно-промышленного комплекса помимо его вклада в инфляцию, которое также заслуживает нашего внимания. Столь колоссальные военные расходы ведут к курьезному двойственному подходу в оценке и использовании денег, одному — со стороны тех, кто участвует в военных расходах, и другому — со стороны всех нас, остальных. Это означает, что в Вашингтоне сложилась группа людей, которые вместе со своими коллегами в промышленности привыкли мыслить категориями миллионов долларов точно так же, как мы, остальные, мыслим категориями тысяч. Однажды, когда я был в море на одном из наших боевых кораблей и наблюдал за несколькими видами учебных стрельб, меня потрясло осознание того факта, что каждая из торпед некоего класса, которые запускали одну за другой (и при этом их безвозвратно теряли), стоила дороже всей моей пенсильванской фермы, являющейся результатом напряженного труда многих поколений. И тем не менее я совершенно убежден, что эта мысль никогда не приходила в голову офицерам, которые руководили учебными стрельбами. Да и с какой стати? Там, откуда к ним поступали торпеды, их было сколько угодно.

Я не говорю, что подобных вещей можно было бы избежать. В конце концов деятельность военных в мирное время уподобляется игре в многочисленные дорогие игрушки, и очень трудно найти критерии для оценки финансового благоразумия применительно к процессу игры. Но я определенно утверждаю, что это неизбежно порождает двоякое отношение к деньгам. А такое двоякое отношение в свою очередь сильно затрудняет отыскание обоснованных методов сопоставления военных потребностей и потребностей гражданской экономики. Когда военные расходы разрастаются в таких колоссальных масштабах и обрекают нас на столь грандиозные и раздутые издержки, на них уже не распространяются все нормальные соображения относительно их полезности в сопоставлении с другими видами деятельности правительства и функциями нашей экономической жизни, и они начинают жить своей собственной жизнью в фантастическом мире, где к каждой обычной цифре добавляют три нуля, как если бы это было самой естественной вещью на свете, и где миллионы для тех, кто ими манипулирует, значат столько же, сколько тысячи для всех нас остальных. Поэтому встает вопрос, как контролировать многомиллиардную экономику и могут ли вообще ее контролировать люди, представления которых сложились в совершенно ином пласте денежных ценностей.

Сюда мы должны добавить мысль о том, что в этом огромном потоке военных расходов лично заинтересованы все те, кто принимает в нем участие и извлекает из него личную пользу. Это относится не только к промышленникам, которые получают деньги, и покупателям в Пентагоне, которые получают снаряжение и услуги, но и ко всем тем, кто извлекает для себя ту или иную выгоду из такого порядка вещей: не только к военнослужащим в форме, но и к тем, кто работает на Пентагон по вольному найму, и помимо них ко многим другим, кто в качестве рабочих на военных заводах или в иных качествах пользуется бла-

гами за счет колоссальных расходов. Число только этих последних составляет свыше 2 миллионов. И вот конгрессмен подвергается нажиму с трех направлений — со стороны промышленников, которые хотят получать заказы и деньги; со стороны военных, которым требуются снаряжение и услуги, и со стороны рабочих оборонной промышленности и их профсоюзов, которые желают сохранить рабочие места на предприятиях, связанных с удовлетворением оборонных потребностей[3]. Это весьма могущественное сочетание, настолько могущественное, что оно подчас вынуждает самого конгрессмена практически превращаться в «акционера» в гигантской «корпорации», которую он представляет.

И это означает, что наша практика, а теперь уже привычка разрешать Пентагону выкладывать каждый год свыше сотни миллиардов долларов ради удовлетворения, как утверждают, потребностей национальной обороны, все больше и больше начинает перерастать наши представления об одной из особенностей оборонной политики и превращаться в своего рода национально-экономическую наркоманию — в привычку, от которой мы не смогли бы легко и быстро отделаться меньше чем за несколько лет, даже если бы исчезли все внешние оправдания для нее, даже если бы Советский Союз со всеми его армиями и ракетами уже завтра опустился на дно океана.

Я не пытаюсь тем самым сказать, что наряду с такими побудительными мотивами нет серьезных оснований для подобных расходов, вытекающих из реальных потребностей национальной обороны. Но я утверждаю, что эти мотивы сосуществуют в решениях правительства, из которых вытекают наши оборонные расходы, и что в каждом конкретном случае очень трудно решить, где кончается один и начинается другой из них. Иными словами, оборонные расходы ныне перестали быть средством достижения единственной цели — обеспечения нашей внешней безопасности в условиях неопределенной и неустойчивой обстановки на земном шаре; они стали еще и условием существования американского общества, условием, которое имеет глубокие последствия для нашей внутриполитической жизни и создает еще один фактор ограничения нашей способности разрабатывать и осуществлять внешнюю политику в ответ на проблемы, возникающие за рубежом.

Ибо процесс планирования оборонной структуры, т. е. принятия мер с целью повышения военного могущества, имеет не только внутриполитический смысл: такие шаги — внешнеполитические действия независимо, хотим мы того или нет. Они отражаются на позициях других правительств. Они оказывают влияние на политику, которую проводят другие правительства. Именно здесь, в сфере оборонных приготовлений и оборонных расходов, нам приходится иметь дело с рядом внешнеполитических акций, масштабы и природу которых мы не имеем возможности определять, исходя только из внешних потребностей. Мы вынуждены делать те или иные шаги в этой области, исходя в очень заметной степени из внутриполитических побудительных причин, куда бы это ни завело нас в наших международных делах. И это равнозначно утверждению, что мы здесь опять-таки сталкиваемся с ограничением нашей свободы проводить такую внешнюю политику, которая, с точки зрения ее результатов на международной арене, была бы связной и последовательно целенаправленной.

(Продолжение следует)

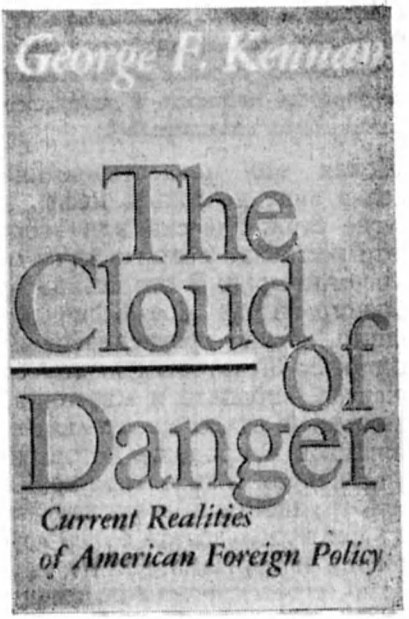
---

[3] Следует отметить, что далеко не все рабочие, занятые в военной промышленности США, равно как не все их профсоюзные организации, придерживаются таких примитивных взглядов, подсказанных хозяевами военно-промышленного комплекса. Многие отдают себе отчет, что, если миллиарды долларов, расходуемых сейчас на подготовку войны, будут вложены в гражданскую экономику, откроется большее число новых рабочих мест; многие, по-видимому, понимают и политическую сторону вопроса, а именно, что сохранение некоторого количества рабочих мест ценой нарастающей угрозы ядерной войны вряд ли себя оправдывает. — *Прим. ред.*

Джордж КЕННАН

ТУЧА, НЕСУЩАЯ ОПАСНОСТЬ

Текущие реальности американской внешней политики



Разделы из книги

Зависимость в области энергетики

В серии публичных лекций, прочитанных в 1954 г. в Принстонском университете, автор этих строк, обеспокоенный последствиями предоставления статуса полного суверенитета все большему числу небольших и слаборазвитых политических образований, высказал следующие наблюдения, которые, как он надеялся (тщетно), станут предметом общенационального обсуждения:

«...Мы... в значительной мере уступили всем другим суверенным правительствам право делать все, что они пожелают, с ресурсами сырья на их собственной территории даже при том, что это может означать разрыв существующих контрактов с другими государствами и неожиданное нарушение хода продажи и поставок материалов в другие страны. Тот факт, что другие страны могут оказаться в сильнейшей зависимости от таких поставок... считают достаточным официальным основанием для требования уважать их интересы. Против таких вещей, как произвольные капризы и безответственность правительств стран — экспортеров сырья или неожиданный отказ в поставках сырья в целях политического вымогательства, очевидно, в теории нет никаких средств...»

Напомнив, что ряд источников сырья, имеющего важное, а в некоторых случаях критически важное значение для устойчивости нашей национальной экономики, находится на территории новых государств, от правительств которых мы не могли бы реалистически ждать особой зрелости и чувства ответственности в ведении внешнеполитических дел, я далее утверждал, что из-за этого

«во многих случаях поставки нам сырья закреплены непрочными нитями, которые мы не в состоянии проконтролировать или хотя бы подправить. И я серьезно озабочен тем, что в один прекрасный день внезапно прекращение поставок этих материалов приведет к болезненным кризисам и трениям... А не сделали бы мы лишь доброе

Продолжение. Начало см. в № 6.

© Джордж Ф. Кеннан, 1977. George F. Kennan. The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. Brown and Company, Boston — Toronto, Little. 1977.

дело и не проявили бы либеральный взгляд на вещи, если бы вплотную взялись сегодня за эту проблему и недвусмысленно заявили другим правительствам, что они не должны допускать, чтобы наша великая и... тонко отрегулированная экономическая система попала в такую зависимость от них, если только они не признают самым недвусмысленным образом своей обязанности гарантировать прочность и надежность соответствующих соглашений» [1].

Делая это предостережение, я имел в виду не только нефть, но и другие стратегически или экономически жизненно важные виды минерального сырья. В отношении минерального сырья мое беспокойство, видимо, носило преувеличенный характер. За некоторым исключением бокситов, кобальта и марганца, неожиданный отказ иностранных поставщиков в продаже которых мог бы на непродолжительное время создать трудности и, возможно, вынудить нас использовать более дорогостоящие заменители, весьма маловероятно, чтобы странам-поставщикам удалось тут оказать на нас серьезный нажим. Но в случае с нефтью эти опасения оправдались в полной мере. В 1973 г. наша страна столкнулась именно с таким «внезапным прекращением поставок», какое я в свое время предвидел, в форме арабского эмбарго на поставки нефти в конце того года. И этот вызов принял еще более острый характер вследствие фантастического повышения цены на нефтепродукты на 400% в последовавший период.

Подобные шаги, как мы только что убедились, можно было заранее предвидеть. Но совершенно невозможно было предвидеть поразительную пассивность в ответ на них американской стороны. Вместо того чтобы извлечь урок из этого эмбарго и немедленно приступить к ограничению нашей зависимости от арабской нефти, правительство Соединенных Штатов разрешило американским нефтяным компаниям возобновить закупки у тех стран, которые участвовали в бойкоте, а затем позволило нашей зависимости от иностранной нефти вырасти в последующие годы с 24 до 42% нашего потребления и нашей зависимости от арабских производителей с 11 до 18%.

Поистине ошеломляют те легкомыслие и безответственность, которые проявились в этом ответе — или, точнее, в отсутствии всякого ответа — на серьезнейший вызов, вызов не только экономическим интересам, но и политической независимости нашей страны. Масштабы, в которых американское общество зависит сегодня от поставок нефти для обеспечения потребностей своей экономической жизни, не нуждаются в особом подчеркивании. Неожиданное сокращение регулярных поставок хотя бы на 18—20% (и именно такой удар арабы сейчас имеют возможность нам нанести) могло бы не только обречь на полное расстройство существующую транспортную систему страны, но и вывести из равновесия тысячу других звеньев нашей экономической системы, в том числе и сельское хозяйство. Еще никогда с тех пор, как источником жизни всех индустриальных обществ был уголь (да и тогда едва ли так было), великая страна не оказывалась в подобной зависимости от чувствительной и важной экономической артерии, нарушением которой можно было бы ее столь легко парализовать, как Соединенные Штаты в 1977 г. от потока нефти как источника энергии для весьма значительной части нашей экономики. Если нашему обществу позволяют столь беспомощно и униженно попадать в зависимость от иностранных правителей, которые распоряжаются поступлениями большей части этой нефти, это уже само по себе свидетельствует о весьма серьезном и необъяснимом упущении со стороны наших государственных деятелей. Но когда позволяют

[1] Приведенные автором высказывания свидетельствуют, что и здесь он остается верным точке зрения большинства западных политологов и экономистов, рассуждающих о «капризах» и «безответственности» развивающихся стран, обходя молчанием продолжающееся противодействие США перестройке международных торгово-экономических отношений на единственно реалистической основе — признания на деле принципа равноправия всех сторон и взаимной выгоды.— *Прим. ред.*

сохраняться и все более возрастать этой зависимости от группы правителей, с которыми мы имеем самые серьезные политические разногласия, и к тому же разногласия, которые связаны с одним из самых деликатных аспектов нашей внутриполитической жизни, а именно с нашей озабоченностью политическим будущим государства Израиль, это просто недоступно пониманию. Не позавидуешь будущему историку, которому в один прекрасный день придется заняться поисками правдоподобного объяснения подобного благодушия.

Утверждают, что мы поступили правильно, когда не стали чрезмерно жестко реагировать на арабский бойкот 1973 — 1974 гг. и не стали принимать мер для ослабления своей зависимости от арабской нефти в последующий период, так как, поступи мы подобным образом, мы могли бы задеть чувства более умеренно настроенных производителей нефти и лишить себя выгод того ограниченного политического сотрудничества, на которое они в противном случае могли бы проявить склонность пойти. Когда великая страна занимает такую позицию, означающую, что мы уже смирились с неполноценным положением, что мы теперь обязаны обращаться к правительствам стран-поставщиков лишь в качестве униженных просителей и испытывать благодарность за те крохи внимания, которые они время от времени, возможно, и будут бросать нам со своего стола, это позорно для великой державы. Такая позиция, может быть, и принесет какие-то выгоды в непосредственной перспективе; но ее долгосрочным последствием может быть лишь увековечение потери уважения к нашим качествам как нации и к нашим жизненным интересам, что мы на себя уже и навлекли.

Описанная ситуация была бы достаточно неприглядной, если бы ее отрицательные последствия ограничивались прямым влиянием на нашу энергообеспеченность. К сожалению, эти отрицательные последствия, как каждому прекрасно известно, идут гораздо дальше, и их ощущает на себе все человечество. Обострение мировых инфляционных тенденций; усиление финансовых и экономических трудностей развивающихся стран; возникновение угрозы банкротства этих развивающихся стран, которые могут оказаться не в состоянии выплачивать свою колоссальную задолженность более развитым государствам; накопление в руках правителей стран — производителей нефти колоссальных сумм, превосходящих все то, что они в состоянии израсходовать, а главным образом стимулирование явно нездорового уровня закупок оружия некоторыми из правительств этих стран; накопление в западной банковской системе опасно больших краткосрочных вкладов, представляющих часть этого избыточного капитала,— перед лицом всех таких фактов Соединенные Штаты проявили свою неспособность дать какой бы то ни было твердый ответ, а только с огорчением беспомощно ломали руки.

Сейчас все еще можно, хотя и гораздо труднее, чем было бы три года назад, выработать и претворить в жизнь программу, ставящую целью избавление Соединенных Штатов от этой зависимости, хотя бы в такой степени, чтобы вернуть нам на переговорах влияние, которое не уступало вы влиянию стран— производителей нефти. Ни одна из возможных мер сама по себе не позволит решить эту задачу, но их сочетание может принести такой результат. Оно должно включать серьезную попытку добиться экономии энергии, создать достаточные запасы нефти и приложить решительные усилия в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, чтобы постараться открыть другие источники получения энергии.

Но проведение этой программы, даже если бы мы проявили политическую готовность приступить к нему, потребовало бы времени, больше времени, чем было бы нужно, если бы мы начали осуществлять ее три года назад, когда нам и следовало это сделать. А тем временем способность нашей страны играть действенную роль в мировых делах и осо-

бенно в таком решающе важном районе, как Ближний Восток, будет и впредь частично подорвана нашей затянувшейся зависимостью в области энергетики. Этот фактор тоже нужно учитывать, когда анализируешь проблемы, которые обычно относят к категории внешнеполитических дел.

Нарастающие первоочередные внутренние проблемы

Явления, о которых я только что говорил,— врожденные недостатки, наличие военно-промышленного комплекса и зависимость от иностранной нефти — прямо отражаются на способности нашей страны проводить целенаправленный и действенный дипломатический курс. Есть еще один фактор, который нужно включить в этот перечень, хотя он оказывает не столь прямое влияние. Речь идет о вынужденной необходимости, по моему глубокому убеждению, уделять в ближайшие годы все больше и больше внимания внутренним проблемам в ущерб внешнеполитическим.

Я не хочу подробно останавливаться на этом моменте, но все же должен объяснить, что именно имею в виду. В американской жизни есть ряд отрицательных явлений, с которыми, если позволить им развиваться и принять еще более широкий размах, в конце концов больше нельзя будет мириться и тогда потребуются радикальные, болезненные и дорогостоящие решения.

Большую и серьезную проблему для нас создает дезинтеграция некоторых из наших великих городов, и прежде всего величайшего из них — Нью-Йорка, проблему, которая носит не просто физический и социальный характер, а имеет самые серьезные последствия для здоровой культурной жизни всей нашей страны. Вся страна заинтересована в жизнеспособности своего крупнейшего культурного центра и не может допустить, чтобы его жизнеспособность была подорвана и это вызвало бы сотни самых различных отрицательных последствий. Пока мы все еще не справляемся с этой проблемой. Мы даже как следует не проанализировали ее причин.

Мы сталкиваемся с ужасающей проблемой разгула преступности в обширных районах страны. С ней мы тоже не справляемся. Мы продемонстрировали свою неспособность сделать хотя бы первый шаг для ее решения, которым должно стать запрещение открытой продажи и законного хранения огнестрельного оружия. Не желая сделать хотя бы этот первый шаг, мы едва ли в ближайшем будущем приступим к проведению более энергичных мер, которых требует от нас глубина этой проблемы.

Мы сталкиваемся с проблемой инфляции, которую не только не смогли преодолеть, но фактически отчаялись решить, так как это потребовало бы введения неудобно строгой дисциплины и для предпринимателей, и для профсоюзов.

Мы сталкиваемся с проблемой безработицы, которую точно так же не смогли решить главным образом из-за того, что для попытки это сделать нужно поставить под сомнение разумность обеспечения минимальной заработной платы, вступить в конфликт с профсоюзами, заставить людей выполнять работу, которую они не желают делать, или жить там, где они предпочли бы не жить, и принять на свои плечи бремя изыскания различных возможностей для трудоустройства на неполный рабочий день или для работы не по найму, словом, заставить людей использовать эти возможности, прежде чем обращаться с просьбой о пособии.

Мы имеем хаотичную и позорно недостаточную систему общественного пассажирского транспорта, не говоря уже о пересылке почтой писем и посылок. Соединенные Штаты — единственная великая страна, больше того, единственная развитая страна, не имеющая приличного телеграфа. Наши попытки исправить эти недостатки, ослабленные неисправимым убеждением, будто подобные функции следует воспринимать как сугубо коммерческие, были и остаются слабыми, путанными и неубедительными.

Вместо того чтобы развивать общественный транспорт и предусмотреть действенные стимулы для его использования, мы продолжаем позволять своему обществу оставаться в непомерно большой зависимости от личного автомобиля, несомненно самого расточительного, антиобщественного и пагубного, с точки зрения защиты окружающей среды, средства передвижения, какое когда-либо было изобретено. Мы позволили своей зависимости от этого изобретения расти, подобно военно-промышленному комплексу, но в гораздо более серьезных масштабах, перерасти в национальную пагубную страсть, стать привычкой, больше чем привычкой, фактически элементом нашего образа жизни, от которого мы не могли бы быстро избавиться без самых болезненных последствий. В один прекрасный день нам придется отказаться от этой пагубной страсти, хотя бы только из-за все большей нехватки энергии и роста ее стоимости, и начинать это было бы в самый раз уже сейчас, как это нам должно было показать арабское эмбарго на поставки нефти. И тем не менее в этом направлении до сих пор не предпринималось серьезных усилий, и мы продолжаем радоваться каждый раз, когда узнаем из газет, что спрос на машины и, большие машины, вновь повысился, так как в нашем представлении это означает появление новых рабочих мест в автомобильной промышленности. Кому при этом дело до того, что новые орды автомобилей дополнительно душат и без того беспредельно забитые улицы и шоссейные дороги страны?

Мы сталкиваемся с проблемой падения уровня образования, во всяком случае в весьма значительной части наших учебных заведений. Это, несомненно, имеет множество причин, но каковы бы они ни были, мы не желаем браться за их преодоление, так как в таком случае нам пришлось бы бросить вызов широко распространенной одержимости «демократизацией» процесса обучения и широко распространенному убеждению, будто школы прежде всего должны служить общественным целям, а уже потом давать образование.

Есть и другие проблемы, прежде всего культурного характера, которые я склонен включить в этот перечень, хотя и делаю это не без некоторых колебаний, так как знаю, что лишь немногие люди посчитают их столь же важными, как я. В их числе нужно назвать коррупцию в системе массовых коммуникаций, которая отдана на откуп рекламодателям, зло, которое растлевает и лишает образовательной ценности телевидение, имеющее, вероятно, не меньшее значение, чем вся система органов образования в качестве источника формирования воззрений, представлений о ценностях и образе мышления нашего народа. Я бы хотел также включить в этот перечень забастовку, которую считаю совершенно абсурдным средством урегулирования трудовых конфликтов в отраслях, где на карту поставлены безопасность и удобства широкой публики. В один прекрасный день нам придется отказаться от этого примитивного средства, которое имеет точно такое же отношение к социальной справедливости, какое средневековое «испытание боем» имело к справедливому разрешению личных споров в былые века. А тем временем забастовки продолжают создавать немало препятствий на пути прогресса [2].

В частности, мне бы хотелось включить в этот перечень позорный феномен безудержного распространения порнографии не только на улицах наших городов, но и с экранов и со страниц наших печатных изданий. Это форма загнивания, в борьбе с которой мы, в том числе, к сожалению, даже наши судебные органы, еще раз продемонстрировали свою неуверенность и бессилие. Только врожденное чувство хорошего вкуса могло бы показать, где провести линию, за которой кончается обычная свобода выражения и

---

[2] Здесь явно отразились консервативные взгляды автора, о которых упоминалось во вступительной статье к данной публикации в предыдущем номере.— *Прим. ред.*

начинается эксплуатация непристойного любопытства в коммерческих целях. За неимением этого хорошего вкуса (как, судя по всему, обстоит дело) мы тут беспомощно бродим в лабиринте юридических разбирательств.

И наконец, я должен упомянуть серьезную несостоятельность американской печати и радиоэлектронных средств в плане осведомления и наставления американского общества в вопросах внешней политики. Целая серия особенностей — не только преимущественная озабоченность их владельцев рекламой, о чем уже говорилось выше, но и поспешный, бессвязный и отрывочный характер большей части материалов; низкий образовательный уровень подавляющего большинства репортеров и дикторов; упорное сохранение склонности к чрезмерной драматизации; одержимость тривиальным за счет главного; склонность уделять непомерно много внимания освещению всевозможных странствий и высказываний высоких деятелей и слишком мало более глубоким тенденциям международной жизни — все эти качества ограничивают способность средств массовой информации выполнять роль действенной силы на службе воспитания общественного мнения. В нашей стране нет ни одной ежедневной газеты, которая по уровню освещения внешнеполитических событий шла бы в сравнение с большими газетами Западной Европы, такими, как «Монд» и «Нойе цюрхер цайтунг», и есть лишь три или четыре, которые хотя бы приближаются к ним. Это общее плачевное состояние должно объяснять такие явления, как, например, поистине фантастическая неосведомленность о России и «коммунизме» в обширных районах западной части нашей страны.

Я упомяну еще одно явление нашей внутренней жизни, которое в будущем, вероятно, будет требовать от нас больше внимания и ресурсов, чем все другие, в ущерб внешней политике; по поводу его важности может быть гораздо меньше споров и разногласий: речь идет о сохраняющейся проблеме все большего загрязнения окружающей среды. Нельзя отрицать, что она уже всех взбудоражила. Растет понимание сущности этой проблемы. Меры принимались и продолжают приниматься. Но нужно быть безнадежным оптимистом, чтобы утверждать, что мы хотя бы приблизились к черте, за которой понемногу начнем решать эту проблему. В ряде районов загрязнение среды быстро продолжается. Почвы страдают от эрозии. Прекрасные сельскохозяйственные земли по-прежнему попадают в руки подрядчиков и в результате пропадают для сельского хозяйства, и это происходит в эпоху все более острого голода в обширных районах земного шара. Достаточно увлажненные земли, столь нужные для природного равновесия и общего здоровья окружающей среды, регулярно перепахиваются бульдозерами строительных компаний. Продолжаются набеги на наши национальные парки и заповедники, где отводят землю для добычи ископаемых и для пастбищ. Леса по-прежнему становятся жертвой безграничного аппетита средств массовой информации, которым требуется все больше целлюлозы, чтобы печатать рекламу. Уровень подземных вод продолжает понижаться во многих районах страны в обстановке всеобщего безразличия. Мы едва приступили к решению проблемы пестицидов; они и другие ядовитые химикалии по-прежнему находят путь, как и человеческие испражнения, в наши реки и озера, а через них в Мировой океан. Мы фактически так и не нашли вполне удовлетворительного способа избавления от своих обычных отходов, не говоря уже о гораздо более серьезной проблеме отходов ядерных. Быстро продолжается строительство атомных электростанций, даже при том, что у нас все еще не найдено удовлетворительных ответов на сопутствующие ему проблемы избавления от радиоактивных отходов и термического загрязнения.

И самое серьезное значение, с точки зрения проблемы защиты окружающей среды, имеет появление все новых и новых свидетельств того, что общие издержки решения этой

проблемы, социальные и финансовые, будут гораздо выше, чем первоначально полагали. По мере того, как дело переходит от предостережений поборников защиты окружающей среды к реальным попыткам органов власти положить конец загрязнению, становится все очевиднее, что действительные причины наших бед не злоупотребления — с точки зрения интересов окружающей среды — в процессах индустриализации и урбанизации, а сами эти процессы; иными словами, эту проблему нельзя решить, не дав в определенной мере обратного хода обоим этим процессам.

Соображения охраны окружающей среды, очевидно, потребуют, если мы хотим восстановить в нашей стране подлинно здоровые отношения между Человеком и Природой, частичной приостановки тенденций развития, которые на протяжении многих десятилетий составляли основу американского представления о прогрессе. Взаимоотношения между городом и сельской местностью, между городской и сельской жизнью придется в определенной мере пересмотреть в пользу последних. От самых тонких и сложных процессов промышленного производства придется в каких-то случаях отказаться в пользу более примитивных, требующих меньшего, а не большего разделения труда. От процессов, которые дорого обходятся за счет вложения тех или иных материалов, придется отказаться в пользу более дорогих с точки зрения вложения труда. Некоторые вещи, которые сейчас выпускаются машинным способом, придется делать кустарными методами. Придется чаще переходить к работе с неполным рабочим днем: проводить меньше часов на заводе и больше на огороде и в саду за домом. Придется шире использовать бесплатные дары природы в виде небольших ветряных мельниц, плотин и солнечных рефлекторов, чтобы снять долю напряжения с линий электропередач. Конечно, от нас не потребуется чего-либо напоминающего полный отказ от той в высшей степени сложной современной системы существования и производства, в условиях которой мы теперь живем; но представляется все более сомнительным, чтобы необходимые сдвиги в интересах охраны окружающей среды оказались возможными, если мы только попытаемся кое-что и кое-как подправить на скорую руку. Очевидно, потребуется принесение в жертву чего-то существенного в форме возвращения к более простому и более трудоемкому образу жизни и характеру производства.

Если такой анализ правилен, тяготы, которые эта проблема в ближайшие годы возложит на наше общество, будут гораздо суровее, чем мы когда-нибудь себе представляли. Если не будет сделано никаких сдвигов в развитии автомобильного транспорта, которые ныне трудно предвидеть, людям придется научиться жить ближе к тем предприятиям и учреждениям, от которых сейчас зависит их существование, чтобы иметь возможность ходить туда пешком или ездить на велосипеде; они не смогут полагаться на то, что автомобиль в любой момент доставит их в любую точку на расстоянии 30—40 миль от дома. Как бы это ни было нам не по душе, потребуется более высокий уровень планирования и руководства со стороны властей. Это чуждо и американскому опыту, и американским традициям, и тут не обойтись без острых трений и мучительных переживаний. Но именно это ждет нас в последние годы нашего столетия, ибо, если дальнейшее загрязнение среды будет продолжаться, оно в конце концов примет настолько болезненные формы, что пересмотр образа жизни, о котором только что было сказано, каким бы далеко идущим и неприятным он ни показался, будет представляться все более и более приемлемым по сравнению с тем, что ждет нас в ином случае.

Все эти обстоятельства упоминаются сейчас в связи с предметом нашего разговора постольку, поскольку нельзя с ними справиться, не отвлекая и внимания, и ресурсов от внешней политики в интере-

сах решения внутренних проблем. Иными словами, мы не сможем одновременно быть всем тем, чем мы пытались быть для других со времени недавней войны и всем тем, чего требуют в возникающих условиях наши собственные интересы.

От успеха или неудачи наших попыток решить эти многочисленные проблемы в значительной мере зависит прочность и убедительность наших позиций в мировых делах. Если мы хотим представлять для других народов нечто большее, чем просто средоточие угрожающего военного могущества, нам придется задуматься над тем, какое впечатление наше общество производит на остальное человечество. Среди вышеперечисленных явлений нет ни одного, которое не отражалось бы на этом впечатлении, подчас в очень серьезной степени. Одно из первых требований ясного осознания нашей роли в мировых делах — понимание, что мы не можем представлять нечто большее для других, чем являемся для самих себя, что мы не можем быть источником надежды и вдохновения для других в условиях неудач и ухудшения жизни у себя дома.

Выводы

Из четырех факторов, которые я перечислил как ограничивающие сейчас или способные ограничить в будущем нашу свободу действий в качестве участника международной жизни, первый — организационная структура нашего правительства применительно к ведению внешнеполитических дел — настолько далек не только от исправления, но хотя бы от осознания серьезности проблемы, что можно смело отбросить любые мысли об изменении этой структуры в обозримом будущем. Я надеялся, что празднование двухсотлетней годовщины нашего государства представит случай для критического анализа политических институтов нашей страны, как они сложились за многие годы, с тем чтобы посмотреть, нельзя ли их усовершенствовать в свете тех проблем, с которыми мы сейчас сталкиваемся. Но ничего подобного не произошло. Костюмированное воспроизводство таких событий, как битвы под Лексингтоном или Принстоном, показалось нашим властям более подходящим способом отметить эту годовщину. И если подобного анализа не произвели в тот момент, едва ли это будет сделано в течение еще многих и многих лет.

Но в отношении других трех факторов необходимые шаги, во всяком случае теоретически, в пределах возможности наших нынешних органов власти, и хочется надеяться, что определенный прогресс будет достигнут если не на всех, то хотя бы на некоторых направлениях.

Я, однако, хотел бы напомнить, что во всех трех случаях — при установлении контроля над военно-промышленным комплексом, в процессе преодоления нашей зависимости от поставок нефти из арабских и других стран ОПЕК и решения тех различных проблем, которые, если этого не сделать уже в ближайшее время, приведут к возникновению ситуации, напоминающей глубокий кризис нашей национальной жизни,— шаги, которые должны быть нами сделаны, обычно относят к сфере сугубо внутренних дел. И тем не менее, как я попытался это показать, они самым непосредственным образом отражаются на наших позициях и наших возможностях в качестве мировой державы. И именно здесь кроется урок, который многие в нашей стране извлекают слишком медленно, а именно вывод, что внешняя политика, как и очень многие другие вещи, начинается дома, что для успешного проведения внешнеполитического курса прежде всего необходимо занять благоприятные позиции. А это, разумеется, обозначает сознательное конструирование и строительство своего общества для решения возникающих задач. Это же в свою очередь означает необходимость учитывать при анализе внутренних проблем воздействие на внешнеполитические дела тех решений, которые приходится тут принимать.

(Окончание следует)

Джордж КЕННАН

ТУЧА, НЕСУЩАЯ ОПАСНОСТЬ

Текущие реальности американской внешней политики

Разделы из книги

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Китай

Если Юго-Восточная Азия больше нас не беспокоит,— и я горячо надеюсь, что беспокоить нас она не будет,— самое время перейти к странам, которые лежат к северу от нее. И первая среди них, разумеется, Китай.

По прошествии столь небольшого времени со дня смерти Мао мы вновь видим эту великую страну в неустойчивом состоянии внутренней трансформации. Исход этого процесса отнюдь не обязательно должен нас особенно заботить, но он может с пользой для дела напомнить нам об опасности слишком большой ставки в сфере международных отношений на каких-то определенных деятелей во главе иностранного государства. Они приходят и уходят; государство остается. Когда дело касается разработки американской политики, рассчитанной на то, чтобы выдержать испытание временем, разумнее ориентироваться на долгосрочные интересы и поведение того или иного государства на протяжении длительного времени, чем на деятелей, которые в данный момент его возглавляют. Это не означает, что эти личности можно игнорировать, особенно если они крупные и занимают доминирующее положение, а к этой категории явно принадлежал и Мао. Но это означает, что не следует слишком сильно полагаться на конкретных людей, когда и если их политика радикально отходит от природы и традиционной манеры поведения данного государства.

Китай вступил в период эпохальных сдвигов в своей национальной жизни. И он из него пока не вышел. Эти сдвиги оставят свои следы в китайском обществе; мы не должны рассчитывать, что это общество когда-нибудь вновь будет таким же, каким оно было до Мао. И тем не

Окончание. Начало см. в №№ 6—7.

© Джордж Ф. Кеннан, 1977. George F. Kennan. The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy, Boston — Toronto. Little, Brown and Company, 1977.

менее в основном надо исходить из того, что китайцы будут оставаться такими же, какими они были в прошлом: великим народом, необычайно умным, исключительно талантливым, как создатель и носитель особой цивилизации, но сильно отличающимся от нас самих, внешне вежливым и церемонным (в определенных пределах), но в душе настороженным в своих отношениях с иностранцами, отнюдь не таким, кто легко сближается с некитайцами и особенно с людьми невосточного происхождения. Нас не должна вводить в заблуждение определенная легкость общения с иностранцами, которая весьма заметно отличает китайцев от их японских соседей. Может показаться, что это облегчает процесс понимания. Но чаще это маскирует самые глубокие расхождения, которые редко всплывают на поверхность, как это было бы в случае откровенных споров.

Американцы имеют сейчас более чем столетнюю историю контактов и общения с китайцами. Эта история не делает нам особой чести. Религиозный или политический альтруизм, о котором постоянно говорили, слишком часто уживался рядом с коммерческими устремлениями или соображениями личной выгоды. Отношение американцев, которым приходилось много иметь дело с китайцами, колебалось от крайнего и необоснованного цинизма до покровительственной сентиментальности. Многие из тех, кто там жил, позволяли прелестям, сопутствующим жизни иностранца в китайской среде, влиять на объективность своих взглядов, и китайцы показали (тут нельзя их винить), что умеют очень ловко поощрять это и незаметно использовать возникшие симпатии к ним в собственных интересах. Разумеется, всегда были примечательные исключения, но в общем можно сказать, что контакты между отдельными американцами и китайцами в былые десятилетия, до Мао, не представили ни одну из сторон в ее лучшем свете и никому не принесли особой пользы. Одна из конструктивных особенностей периода Мао, как я себе представляю, заключалась как раз в том, что из китайского общества была изгнана эта группа американцев, перекочевавших на китайскую почву, и наши отношения были возвращены на свое подлинное, с учетом обстоятельств, место: они были вновь сведены к контактам между ответственными представителями правительств. Если личные контакты между американцами и китайцами когда-нибудь будут возобновлены в сколько-нибудь широких масштабах и особенно если будут возобновлены контакты, связанные с длительным пребыванием сколько-нибудь значительного числа американцев в Китае, они должны быть тщательно продуманы и строго контролироваться, как бы странно это ни звучало для американцев.

История наших отношений с существующим китайским режимом всем хорошо знакома, и напоминать ее нет нужды. В представлении многих американцев суть возникших трудностей составляет тот факт, что в этой стране существует режим, преданный на собственный странный лад коммунистическим принципам и относящийся к нашим порядкам в высшей степени недоверчиво. Но бóльшую важность, чем идеологические разногласия (которые, как мы видим на примере Советского Союза, сами по себе не исключают ни мирного сосуществования, ни поддержания нормальных официальных отношений), имеет традиционный и сугубо националистический конфликт, вытекающий из взаимоотношений Америки с правительством на острове Тайвань.

В период с 1943 по 1948 г. руководители Соединенных Штатов допустили две невероятные ошибки в этом направлении. Первой из них было обещание на Каирской конференции в конце 1943 г. правительству Чан Кайши, что мы поддержим требование о возвращении Тайваня Китаю,— и это еще до того, как у нас появилась возможность проконсультироваться с другими заинтересованными державами или убедиться в пожеланиях самих жителей этого острова. (Возможно, кто-нибудь из тех, кто проявляет интерес к выяв-

лению психологических корней отношения Америки к проблемам внешней политики, попробует выяснить, почему нам столь часто доводится слышать требование о «создании правительства большинства» на юге Африки и в других районах, но почти никогда этого не требуют применительно к Тайваню). Вторая ошибка была допущена, когда правительству Чан Кайши, уже проигрывавшему борьбу за верховную власть на континенте, разрешили перебраться на остров и закрепиться там, утверждая, что оно является правительством всего Китая, и мы эти претензии поддерживали. С тех самых пор в своих отношениях с Пекином мы постоянно остаемся связанными последствиями этих просчетов.

Эти две ошибки были тесно взаимосвязаны, что вдвойне затрудняет сегодня преодоление их последствий. Теоретически мы могли бы еще много лет назад — до установления отношений с существующим правительством в Пекине — высказаться в пользу самоопределения жителей острова, потребовав, чтобы им была предоставлена возможность принять участие в чем-то вроде плебисцита и сделать выбор между тремя мыслимыми альтернативами: независимостью, сохранением ассоциации с Японией или возвращением в состав Китая. Но это означало бы, что мы подрываем притязания правительства Чан Кайши на роль законного правительства всего Китая, правящего им с Формозы-Тайваня, и отказываемся от своего собственного официального обещания в 1943 г. поддерживать тезис, согласно которому этот остров — часть китайской территории. Мы могли бы пойти иным путем: отказать правительству Чан Кайши в признании его в качестве законного правительства всего Китая, но это означало бы, что мы ставим под сомнение обоснованность его позиций и правильность его деятельности на Тайване, а по логике вещей мы должны были бы в этом случае сделать вывод о необходимости возвратить этот остров любому законному правительству Китая, даже если это и не было бы правительство Чан Кайши. Короче говоря, мы сами чрезвычайно запутали свою позицию, да и сегодня еще не преодолели этой путаницы.

Установление Никсоном и Киссинджером отношений де-факто с пекинским правительством само по себе было конструктивным актом, хотя оно носило бы еще более конструктивный характер, если бы это было сделано в нормальной и деловой обстановке без тех театральных эффектов, которые сопутствовали поездке Никсона в Пекин. Нет никаких оснований не поддерживать отношений де-факто или даже де-юре (в зависимости от обстоятельств) с правительством коммунистической страны, если это может служить полезным практическим целям. Надо заметить, что лишь объединенный тактический гений Киссинджера и Чжоу Эньлая позволил найти способ примирить этот сдвиг, если не в теории, то на практике, с продолжением нашего признания де-юре правительства на Тайване. Но эта уловка могла возыметь действие лишь на ограниченный период. Возникшая ситуация не была рассчитана на бесконечность, да этого никто и не ждал. Сейчас китайцы, во всяком случае в Пекине, начинают терять терпение. В ближайшее время, по-видимому, придется сделать что-то еще.

Сегодня, вероятно, уже слишком поздно возвращаться к требованию о самоопределении тайваньцев. Как бы это ни соответствовало принципам традиционной американской политики, подобный подход сейчас нарушил бы наши отношения с обоими правительствами. В то же время не может быть и речи о том, чтобы полностью бросить на произвол судьбы националистов. На острове, которым они управляют, достигнуты слишком большие успехи при его полунезависимом статусе, и там сложились уклад жизни и экономическая система, которые слишком сильно отличаются от жизни и экономической системы на континенте, чтобы их можно было неожиданно принести в жертву. Следует исходить из того, что в итоге, учитывая природу китайцев, националистское прави-

тельство, не лишенное определенных козырей, которые оно могло бы выложить властям на континенте, добьется какого-нибудь компромисса и принесет острову полуавтономный статус в обмен на его отказ от притязаний на роль правительства всего Китая. Мы должны позаботиться о том, чтобы не сделать никаких шагов, которые могли бы помешать подобному урегулированию.

В настоящий момент у нас есть лишь две позитивные возможности. Во-первых, мы могли бы свести свое представительство на острове Тайвань к статусу де-факто. Другие страны уже создали такой прецедент. И это, вероятно, мы должны сделать по возможности поскорее и как можно пристойнее, дав ясно понять, что такое изменение означает также автоматическое признание недействительным оборонного договора с тайваньским правительством, положениями которого мы теоретически все еще связаны. Ни один американец не поступит так с легким сердцем; ибо это довольно некрасивый способ обхождения с правительством, с которым мы давно поддерживаем хорошие отношения. Но в какой-то момент подобный шаг наверняка придется сделать, и новому правительству США, вероятно, будет легче его сделать на первых этапах своей деятельности, когда у него еще не сложилось тесных личных отношений с данным правительством, чем в дальнейшем, когда такие связи установятся.

Если мы сделаем такой шаг, он несомненно облегчит наши отношения с Пекином. Но тогда перед нами возникнет второй вопрос, а именно: следует ли нам в таком случае сразу же повысить ранг нашего представительства в Пекине до полного статуса де-юре. Именно это рекомендуют сделать некоторые весьма осведомленные люди. Следует исходить из того, что раньше или позже так и придется поступить. Можно, однако, заметить, что из уважения к правительству на Тайване нам, возможно, следует отложить такой шаг до тех пор, пока между двумя соперничающими правительствами не будет достигнуто какой-нибудь договоренности. Можно также достаточно убедительно доказать, что подобный подход к двум правительствам оставит открытыми больше дверей и обеспечит нам бо́льшую свободу при принятии решений относительно всей проблемы в целом.

Я сомневаюсь, чтобы не слишком осведомленный человек мог ясно уловить все нюансы этой в высшей степени деликатной проблемы, и мне нет смысла комментировать ее более подробно. Но в любом случае, видимо, было бы целесообразно проконсультироваться с японцами, прежде чем продолжать поиски правильного решения, ибо, хотя они совершенно четко и недвусмысленно ориентируются на позицию Пекина, знакомство с их точкой зрения может оказаться полезным.

Если и когда вопрос о наших отношениях с Тайванем будет окончательно разрешен на приемлемой для Пекина основе и наши отношения с коммунистическим Китаем благодаря этому официально нормализованы[1], нам придется заняться проблемой определения своих долгосрочных отношений с ним. Это произойдет естественным путем, в процессе решения множества повседневных практических проблем. Нет никаких видимых причин, побуждающих нас непременно делать широкие общие выводы уже на раннем этапе. Но два или три замечания высказать, видимо, нужно.

Во-первых, мы должны проявлять особую осторожность, чтобы не заводить этих отношений слишком далеко и слишком быстро. Речь идет о весьма деликатных отношениях с многочисленными возможностями возникновения трений и неправильного понимания. Нам нужно постоянно помнить об огромных различиях в опыте, воззрениях и умонастроениях (не говоря уже о нацио-

---

[1] Как известно, США и КНР договорились официально признать друг друга с 1 января 1979 г. и обменяться послами с 1 марта с.г., однако, судя по всему, проблема Тайваня еще далека от решения. — *Прим. ред.*

нальных интересах, как таковых), которые отделяют нас от китайцев, и соответственно проявлять осмотрительность, чтобы не установить с ними связей или отношений, которые могли бы иметь один смысл для них и совершенно другой для нас. Когда имеешь дело с людьми, которые очень сильно отличаются от нас, подчас предпочтительнее держаться вежливо, предусмотрительно, но на некотором расстоянии и формально, чем проявлять панибратство; это чревато меньшими опасностями. Китайцы будут во многих отношениях проявлять осторожность в своем подходе к нам. Нам тоже следует кое в чем проявлять осторожность в отношениях с ними, во всяком случае до тех пор, пока мы не почувствуем абсолютно надежной почвы под ногами.

Я знаю, что есть люди, которые мечтают о гораздо более тесных и в высшей степени политических связях с китайцами. Они мечтают (это странные, старомодные мечты, перенесенные в наше время прямо из былых десятилетий) о том времени, когда китайцы станут нашими большими друзьями и партнерами, и не только в делах Дальнего Востока, но и в мировых делах вообще. Эти люди хотели бы, чтобы мы безотлагательно предприняли шаги, чтобы сделать такие мечты явью.

Я не вижу никаких оснований для подобной точки зрения. Китай и в географическом, и в историческом плане занимает совершенно иное место в мировых делах, чем наша страна. Он имеет свои собственные национальные интересы, совершенно иные, чем наши. Данные интересы не так уж часто приходят в столкновение, за исключением разве что в странах третьего мира. Но они в то же время отнюдь не совпадают. Будем же сотрудничать там, где это возможно, согласимся остаться при собственном мнении там, где сотрудничать невозможно, и посмотрим, не удастся ли нам ухитриться достаточно надежно сосуществовать друг с другом на данном этапе, невзирая на наши разногласия, не требуя друг от друга слишком многого, но и не довольствуясь слишком малым.

Более серьезной точкой зрения на будущее наших отношений с Китаем (в данном случае можно даже говорить о подлинной аберрации американского мышления о будущем этих отношений) следует считать убеждение, будто мы должны обернуть свои отношения с Китаем против Советского Союза или, иными словами, использовать Китай в качестве орудия своих собственных интересов в плане советско-американских отношений. Мне трудно выразить словами, как сильно я осуждаю любое такое предложение. Это подразумевает более широкое принципиальное совпадение наших долгосрочных интересов с интересами Китая, чем с интересами Советского Союза, что еще далеко не доказано. Это втянуло бы нас в советско-китайский конфликт, суть которого не имеет никакого отношения к нашим собственным интересам. Это возложило бы совершенно ненужное бремя на наши отношения с Советским Союзом и ослабило бы наши позиции, если бы две великие коммунистические державы пришли к какому-то урегулированию своих разногласий, что они сделали бы, совершенно невзирая на нас, если бы это отвечало их интересам.

Но, что хуже всего, если бы мы встали на ту или другую сторону в этом конфликте, мы вплотную подошли бы к ситуации, которая должна при всех условиях отражать основной принцип американской внешней политики: плохие отношения с третьим государством никогда, повторяю, никогда не должны быть для какого-то другого правительства ценой за американскую дружбу; эту дружбу никогда не нужно предлагать в виде награды или поощрения за подобные плохие отношения. В мире существует достаточно трудностей, и нам нет нужды дополнительно их обострять. Если мы хотим исходить из признания того факта, что война и конфликт между великими державами в современную эпоху никогда не приносили ничего хорошего, мы не должны игнорировать этого урока и в данном случае. Разумеется, можно утверждать, но лишь с самой упрощенческой и ми-

литаристской точки зрения (лишь с точки зрения, при которой войну между Советским Союзом и Соединенными Штатами считают практически неизбежной), что советско-китайский конфликт принес Западу пользу в его собственном конфликте с Советским Союзом. Если это так, можно вести речь лишь об очень дешевом, эфемерном достижении. Западное содружество должно найти другие, более надежные и позитивные способы улучшения своих отношений с Советским Союзом, не разыгрывая против него Китай, если мы действительно хотим избежать катастрофы, которой все боимся, и намерены в конечном счете использовать огромные конструктивные возможности советско-американских отношений.

Япония

Не может быть никаких сомнений, что краеугольным камнем американской политики на Дальнем Востоке должна быть Япония.

Для этого есть много оснований. Одно из них географическое, если хотите, геополитическое. Япония занимает по отношению к азиатскому материку такое же положение, какое Британские острова занимают по отношению к европейскому континенту. Как Англия и как наша страна, Япония представляет собой великую мореходную и торговую державу. В этом отношении она имеет с нами много общих интересов. Как и мы, она озабочена сохранением разумного баланса сил на азиатском материке. Она стремится не допустить, чтобы ее втянули в конфликт между двумя великими коммунистическими державами на континенте, и пытается, как это надлежит и нам, делать все возможное, чтобы не позволить этому конфликту принять военную форму. Она также озабочена обеспечением безопасности в северной части бассейна Тихого океана, имеющей величайшее значение и для наших стратегических интересов в этом районе[2].

Япония к тому же является величайшей промышленной мастерской Дальнего Востока. Ничто из существующего там сейчас не идет с ней в сравнение. Это единственное место, где могут быть созданы все современные средства военного могущества, начиная от самых примитивных и кончая самыми сложными, и созданы, если потребуется, за самое короткое время. Если бы этот потенциал попал под контроль одной из двух великих коммунистических сухопутных держав или у него с ней были установлены тесные связи, невозможно предсказать, как он был бы использован, и не было бы никакой уверенности, что это отвечало бы нашей безопасности. Пока сохраняются отношения взаимного доверия, общности целей и лояльного сотрудничества между японцами и нами, мы можем быть уверены, что это великое средоточие индустриальной и коммерческой активности будет оставаться силой на службе мира. Если японцев предоставить самим себе, то в стремлении избежать полной изоляции они будут совершенно иначе оценивать свои отношения с великими соседями на континенте, а у нас никогда не было бы уверенности, к чему эти отношения в конце концов приведут. Иными словами, промышленное могущество Японии составляет столь колоссальный фактор в мировых делах, что оно едва ли может не представлять силу, способную принести либо великое благо либо большое несчастье. Пока мы поддерживаем тесные и прочные отношения с японцами, мы можем надеяться предотвратить их вступление на путь, обещающий беду. Если мы утеряем эти отношения, неизвестно, что случится.

Все это важно, но еще не самое важное. Важнее всего нечто другое, явление, которое очень трудно опи-

---

[2] Напомним, что книга Дж. Кеннана написана до заключения японо-китайского договора, а оно показало, что в политике Японии есть и другие тенденции, и решения ее правящих кругов могут и не учитывать коренных, по мнению автора, национальных интересов страны. Что касается политики США, то она сказывается в данном случае отнюдь не как сдерживающая сила, а подчас подстрекает Японию к таким шагам, которые могут иметь для нее опасные последствия.— *Прим. ред.*

сать: я имею в виду особое чувство нравственного долга и в то же время нравственной возможности, которое присутствует в наших отношениях с японцами. Они тоже незаурядный народ: очень разумные, невероятно трудолюбивые, чувствительные, вдумчивые, часто даже склонные к грустным размышлениям, столь же тяжело вступающие в общение, сколь покладисты в этом смысле китайцы, но не такие эгоцентричные, как китайцы, проявляющие больше, чем китайцы, интереса к тому, что их окружает в мире, в том числе и к нам, и наделенные (во всяком случае в лице своих лучших представителей) колоссальным трагическим, подчас даже благородным чувством совести и долга. Как и китайцы, они очень сильно отличаются от нас, и если бы не недавняя война на Тихом океане, я бы не противился соблазну сказать, как только что сказал это применительно к Китаю, что нам не следует допускать противоестественной близости с ними и особенно делать это слишком поспешно. Но случилась война. В результате мы вступили в самый тесный контакт с японцами после окончания военных действий. И на основе всего этого сложились тесные отношения, своего рода близость, зародившаяся в конфликте и муках, особенно болезненных для японцев, но тем не менее близость. Мы очень много узнали друг о друге — и хорошего, и плохого — в эти тяжелые годы. Такова уж природа всех близких отношений.

Я говорю сейчас не о чем-то сентиментальном, не говорю о любви или взаимном восхищении. Подобные вещи, как бы часто к ним ни взывали в своих эмоциональных призывах романтически настроенные националисты и пропагандисты военного времени, не имеют места в реальной жизни стран. Я имею в виду нечто гораздо более глубокое — общее признание того факта, что в силу судьбы или, если хотите, в результате ошибок предшествующих поколений наши пути сошлись; что попытки чего-то добиться в противовес друг другу оказались не просто бесполезными, но и вредными; что у нас нет иного выбора, как делать все вместе.

Особенно большая ответственность лежит на нас, американцах, ибо именно мы нанесли поражение японцам, именно мы через формулу безоговорочной капитуляции потребовали для себя безграничного права распоряжаться их делами (а тем самым приняли на себя и полную ответственность за них), именно мы довольно дерзко взялись показать им, как в наш современный век жить лучше, безопаснее и полезнее, чем они жили раньше. Едва ли можно взять на себя бо́льшую ответственность, чем эта. Но и они не совсем лишены ответственности. Им в лице Соединенных Штатов приходится иметь дело с союзником, несколько приниженным последующими событиями. Опыт продемонстрировал теперь многим американцам опасность самонадеянных устремлений и преувеличенного самопрославления. Мы производим на других уже не столь сильное впечатление, как когда-то, и уже не столь твердо уверены, как бывало, что знаем все ответы. Мы тоже нуждаемся в помощи и в подсказке. И мы нуждаемся в осторожном обращении со стороны друзей. Японцы близко узнали нас довольно болезненным путем. Но в результате они нас знают действительно хорошо, видимо, лучше, чем большинство наших других международных партнеров. Не следует недооценивать и их потенциальное влияние на нас. Это тоже накладывает определенную ответственность.

И в результате всего этого мы имеем дело с отношениями, которые именно потому, что они зародились в горниле болезненного конфликта, совершенно уникальны, как пробный камень для испытания способности обеих сторон мудро и разумно вести себя в международных делах. Если мы не сумеем добиться тут успеха, дело для нас обернется действительно плохо.

Именно по всем этим причинам Япония должна оставаться, как она и была со времени окончания последней войны, краеугольным камнем нашей позиции на Дальнем Вос-

токе, но не пассивным, а активным, говорящим «краеугольным камнем» — камнем, который часто воплощает высокую мудрость, с которым следует консультироваться, от которого в некоторых случаях нужно ждать направляющего совета, а иногда даже руководства.

Поведение президента Никсона, когда в 1972 г. он неожиданно предпринял поездку в Пекин и установил отношения де-факто с правительством китайских коммунистов и при этом заблаговременно не проконсультировался с японцами и даже не предупредил их, сильно потрясло последних. Как всегда вежливые, они скрыли в какой-то степени свои чувства, поспешно установили в полном объеме собственные отношения с Пекином (что означало их первую с 1945 г. самостоятельную попытку проводить собственный важный дипломатический курс и тем самым определенное отдаление от нас), затем внешне восстановили нормальные и сердечные отношения с правительством США, даже в такой степени, что разрешили визит в Вашингтон императора Хирохито. Но мы сделали бы совершенно неправильный вывод, если бы позволили этому последнему обстоятельству убедить нас, будто они забыли опыт 1972 г. и что последствия ущерба, нанесенного их доверию к нам в результате всего этого, полностью преодолены.

Смена правительства в Вашингтоне — самый подходящий момент для серьезной попытки уверить японцев в нашей лояльности и в том, что в наступающий период они могут рассчитывать на наше внимание. Для решения этой задачи исключительно важно, чтобы в Токио нас представляли люди, опыт и интересы которых дают им возможность понять, что же происходит в умах японцев, и разъяснить им нашу собственную политику таким образом, чтобы они могли ее понять. Если это будет сделано, у нас будут достаточные основания надеяться, что наши отношения получат такую основу, которая выдержит необходимый вес как краеугольный камень нашей позиции в Восточной Азии.

Перевел М. Б. ЭНДЕР

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опубликованные выше главы из книги Дж. Кеннана дают определенное представление о широте охвата проблем внутренней жизни и международного курса Соединенных Штатов, а также о позиции ее автора — видного американского политика, дипломата, ученого. В этой позиции наглядно отражены также и взгляды влиятельной прослойки правящих кругов США, выступающей за реализм во внешней политике, сдерживание гонки вооружений, поиск конструктивных решений, которые вели бы к уменьшению угрозы войны. Как показывает опыт 70-х годов, эти силы в современных условиях в состоянии оказывать влияние на выработку государственной политики США.

Важным шагом вперед по пути оздоровления советско-американских отношений и всего международного политического климата явилась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Картером, состоявшаяся 15—18 июня 1979 г. в Вене. В ходе встречи были подписаны Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), а также другие советско-американские документы.

Полное претворение в жизнь подписанных в Вене документов открывает новые возможности для того, чтобы прекратить наращивание арсеналов ракетно-ядерного оружия, обеспечить их действенное количественное и качественное ограничение. Решение этой задачи явилось бы новым этапом сдерживания гонки ядерных вооружений и открывало бы дорогу к существенному сокращению вооружений и к достиже-

нию высшей цели — полному прекращению производства и ликвидации запасов ядерного оружия. Реализация положений Договора об ОСВ-2 призвана дать стимул скорейшему завершению и других ведущихся в настоящее время многосторонних и советско-американских переговоров в области ограничения вооружений и разоружения.

Венская встреча на высшем уровне создала возможности для более последовательного расширения областей советско-американского сотрудничества на принципиальной основе полного равенства, одинаковой безопасности, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Отвечая коренным интересам народов как СССР, так и США, такое сотрудничество делает более прочным международный мир. Естественно поэтому, что венская встреча и ее итоги получили одобрение широких народных масс во всем мире, были поддержаны реалистически мыслящими государственными деятелями.

Следует вместе с тем отметить, что проблемы советско-американских отношений были и остаются объектом острой политической борьбы в США. В процессе этой борьбы сторонники ужесточения внешнеполитического курса США добивались в прошедшие годы увеличения военных расходов страны, новых витков в гонке вооружений, обострения обстановки на Ближнем Востоке и в ряде других районов мира. Силы, ведущие дело к ухудшению советско-американских отношений, активно выступают против Договора об ОСВ-2.

В свете сказанного выше заслуживает внимания еще одна важная сторона книги Дж. Кеннана. Как известно, свои усилия, направленные на то, чтобы вызвать напряженность в советско-американских отношениях, гальванизировать времена «холодной войны», противники разрядки пытаются обычно замаскировать в первую очередь ссылками на мнимую «советскую военную угрозу». Эта пропагандистская кампания проходит в разных ипостасях, но суть ее одна: попытаться представить дело таким образом, будто паритет стратегических сил СССР и США или примерное равенство военных сил НАТО и Организации Варшавского Договора меняется в пользу СССР и его союзников.

Было бы полезно в связи с этим подробнее остановиться на комментариях Дж. Кеннана, посвященных этой проблеме. Их отличает глубокий реализм и здравый смысл маститого политика. Ход рассуждений Дж. Кеннана направлен к тому, что нельзя строить оценку соотношения военных сил на отдельных, тенденциозно выхваченных — а тем более явно взятых с потолка — цифровых данных, нельзя забывать, что паритет создается из многих компонентов.

Как отмечает Дж. Кеннан, исходящие из американских ведомств «некоторые из этих цифр настолько безосновательны и столь сильно вводят в заблуждение, что нельзя не поражаться, как они вообще могут исходить от ответственных кругов. Это, например, касается сопоставлений могущества двух военно-морских флотов на основе числа наличных кораблей (и это при том, что за термином «корабль» может крыться все что угодно, начиная от адмиральского катера и кончая авианосцем). Нельзя отрицать и того, что расчеты в долларах, на которые подчас ссылаются при анализе предполагаемых советских военных расходов, производятся, очевидно, исходя из наших собственных подсчетов того, во что обошлось бы нам, с нашими более высокими расходами на оплату производства и нашими нынешними вздутыми ценами производства в Соединенных Штатах тех видов снаряжения, которые, как у нас убеждены, создаются в России. Совершенно очевидно, что цифры, которые получаются в итоге подобных подсчетов, без всякого учета тысяч различий в издержках, методах и качестве производства, типичных для двух промышленных аппаратов, едва ли можно считать достаточно показательными».

Самого серьезного рассмотрения заслуживают фундаментальные и глубоко продуманные доводы Дж. Кеннана относительно бытующих в США оценок военного баланса в современном мире.

«В наши цели не входит самостоятельный критический анализ этих различных статистических выкладок,— замечает он,— хотя немало из них можно было бы подвергнуть весьма суровому критическому разбору. Однако есть причины, объясняющие, почему все эти попытки создать у общественности желаемое впечатление о соотношении военного могущества с помощью подобных цифр в лучшем случае носят сомнительный характер, а в худшем вводят в серьезное заблуждение. Причины, объясняющие это, настолько многочисленны, а в некоторых случаях настолько элементарны, что я сомневаюсь, нужно ли мне их перечислять. Достаточно привести несколько из них.

Прежде всего не следует забывать, что нет никаких общих критериев (тем более цифровых) для сопоставления достоинств различных видов оружия или боевых единиц... Вид оружия, весьма действенный при решении оборонительных задач, может оказаться сравнительно неэффективным в наступлении. Оружие, весьма эффективное в условиях равнины, может оказаться бесполезным в горах. Оружие в руках хорошо обученного и проникнутого высоким боевым духом соединения, может иметь совершенно иную ценность, если находится в руках иначе подготовленной и не имеющей столь высокого духа боевой единицы. Сугубо цифровые сопоставления не отражают этих переменных величин».

Дж. Кеннан добавляет далее: «Нет таких двух держав, которые испытывали бы одни и те же потребности, хотя бы только потому, что нет двух держав, имеющих одинаковое географическое положение и находящихся в одинаковой политической ситуации». И еще на один аспект оценки соотношения военных сил обращает внимание американский политик и ученый. «Наконец, нельзя не обратить внимание на то,— пишет Дж. Кеннан,— что бо́льшая часть этих расчетов, как они предстают перед нами в американской военно-стратегической литературе, предполагает, во всяком случае косвенно, существование мира, строго разделенного на два полюса, чего в действительности нет, мира, в котором существуют лишь Соединенные Штаты и наши союзники по НАТО, с одной стороны, и Советский Союз — с другой, и каждая из этих сторон, можно сделать вывод, не сталкивается ни с какими другими серьезными военными проблемами, помимо тех, перед которыми ее ставит ее единственный противник. При подобном взгляде на вещи соответствующие военные машины имеют смысл и ценность лишь по отношению друг к другу. Это явно не соответствует действительности, и ошибка, которую делают, исходя из этой посылки, еще более обесценивает все эти цифровые выкладки».

В книге «Туча, несущая опасность» не обойдены вниманием и мотивы сил, которые специализируются на теме «советской угрозы». Автор книги призывает поэтому американскую общественность к трезвости и реализму в оценках.

«Я, кроме того, должен отметить,— подчеркивает Дж. Кеннан,— что у нас, общественности, нет никакой возможности узнать, каким образом были получены соответствующие данные относительно советского военного могущества; на этот счет нам предлагают принимать за чистую монету слово тех самых людей, которые постоянно говорят о нашем отставании и требуют, чтобы мы его преодолели. В большинстве случаев, надо полагать, эти цифры черпают из секретных разведывательных источников. Я не вижу оснований ставить под сомнение добропорядочность многих из тех людей, которые производят эти расчеты. Но мы были свидетелями многочисленных случаев в прошлом (и нам известно, что такова вообще склонность большей части военных аппа-

ратов), когда расчеты могущества предполагаемого противника серьезно завышали, руководствуясь теорией, что благоразумие в процессе планирования побуждает исходить лишь из самых неблагоприятных для нашей стороны вариантов оценки. Поэтому было бы наивно воображать, будто военные ведомства, предлагая широкой публике и законодательным органам подобные статистические оценки могущества другой державы, не руководствовались подсознательно, а может быть, и сознательно мыслью, что, чем более ужасающими будут казаться предлагаемые ими цифры, тем больше у них будет шансов добиться разрешения на дополнительное наращивание своего арсенала.

Это отнюдь не значит, что к цифрам подобного рода вообще нельзя питать никакого доверия. Но это означает, что широкая публика, плутающая в полной тьме, должна помнить, что эти цифры, часто отражающие только предположения на основе каких-то сведений или туманные общие оценки, обычно носят лишь приблизительный характер и, как правило, отражают определенную предвзятость в сторону раздувания могущества любого возможного оппонента».

Процитированные выше строки отражают ход рассуждений противников нагнетания напряженности в США. Как показывают опросы общественного мнения, на таких позициях разума и реализма стоят широкие общественные круги этой страны.

Эти силы призывают трезво взглянуть не только на сложности современной международной обстановки, но и на реальные приоритеты во внешней политике США, в первую очередь в сфере советско-американских отношений. Об этом подробно пишет в своей книге Дж. Кеннан.

«Прежде всего,— предлагает он,— попробуем отделаться от широко распространенного убеждения, будто наши разногласия с русскими должны в один прекрасный день непременно привести к войне или будто военное могущество в любом случае должно быть решающим фактором в их разрешении. Война между нашими двумя странами не неизбежна. Сами советские руководители, и прежде всего лично Брежнев, ее не хотят. В расходящихся политических интересах двух стран нет ничего, диктующего или оправдывающего ее.

Когда мы непременно хотим поставить военные соображения в центре своего анализа или обсуждения советско-американских отношений, мы идем на серьезный риск, ибо в итоге можем привести дело как раз к той войне, которой мы не хотим и которую должны стремиться избежать. История показывает, что вера в неизбежность войны с какой-то державой так отражается на поведении, что закрывает все конструктивные политические подходы к этой державе, оставляет открытым простор для военных побуждений и в результате превращается в пророчество, набирающее собственную движущую силу и затем неотвратимо свершающееся. Если войну считать неизбежной или даже вероятной и поэтому к ней серьезно готовиться, есть немало шансов, что в конечном счете ее придется вести.

Мы должны научиться смотреть на советско-американские отношения как на серьезную политическую проблему, которая действительно имеет военные аспекты, но при этом учитывать, что эти аспекты носят вторичный, а не первичный характер. И мы не должны допускать, чтобы военные ценности гипнотизировали нас настолько, чтобы мы потеряли способность видеть все другие и не стремились бы развивать обнадеживающие и конструктивные возможности в сфере отношений между нашими двумя странами.

Величайшая опасность в связи с соперничеством между Советским Союзом и Соединенными Штатами в военной области кроется сейчас не в угрозе советского нападения на нас самих или на НАТО; эта опасность заключается в том, что движущая сила этой грандиозной,

бесконечно опасной гонки вооружений может выйти из-под контроля, примет абсолютно безудержный характер и приведет всех нас к уничтожению либо в результате дальнейшего распространения ядерного оружия, либо вследствие какого-то несчастного случая».

Настойчивый призыв к наращиванию совместных усилий, направленных на уменьшение угрозы мировой термоядерной катастрофы, неизменно звучит со страниц книги «Туча, несущая опасность». Этот призыв созвучен настроениям и думам всех, кто заботится о будущем человечества.

Что же касается сегодняшних Соединенных Штатов, то политическая ситуация в стране делает как никогда актуальной мысль Дж. Кеннана о том, что от исхода «интенсивных дебатов» в Америке относительно того, как вести дела с Советским Союзом, «полностью зависит все будущее американской политики и мировых событий. Как представляется,— продолжает Дж. Кеннан,— мы стоим на подлинном и решающем перепутье. Одна дорога ведет к тотальной милитаризации политики и в конечном счете к пробе сил на основе военной мощи, другая — к попытке вырваться из смирительной рубашки военного соперничества и пробиться к более конструктивному и обнадеживающему видению будущего Америки и мира».

Дж. Кеннан и все американцы, кто мыслит схоже с ним, твердо стоят за этот второй путь. Добавим, что именно на нем и могут быть реализованы подлинные национальные интересы американского народа, не меньше других народов заинтересованного в мире на Земле и радикальном оздоровлении всей международной обстановки.